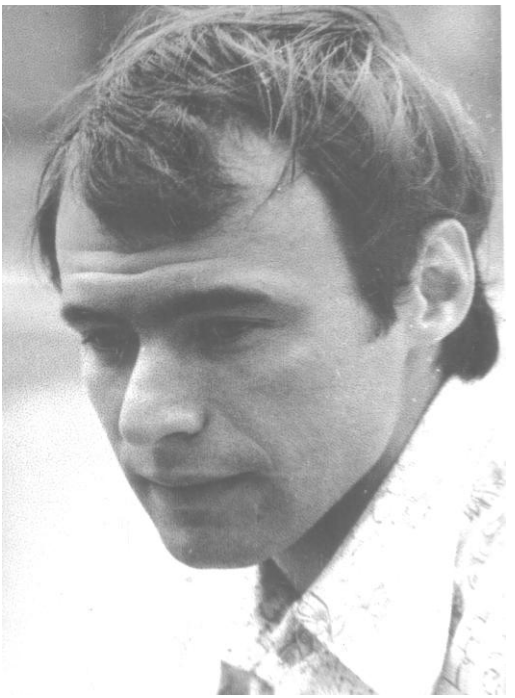
Михаил Перлов

ИСПОВЕДЬ КЛЮЧА

СТИХИ

Рига ***2011***

Михаил Перлов
Исповедь ключа. Стихи.
Рига: 2011 год, 82 с.



Составлено по версии первого принтерного издания 1981 года

ИСПОВЕДЬ КЛЮЧА

Куда меня всё гонит по земле,
По капле
от истоков
отрывая?
Где оборвётся стёжка голубая
Узлом, не покорившимся
игле?
Мне слишком много
вверено
успеть —
Приотворить захлопнутые ставни,
Заворожить
взорвавшуюся
медь
И бешенство полуденного камня!
Обряду возрождения травы
Отдаться безрассудно!..
Ветви ивы
Утешить своим ласковым касаньем, —
Как низко их сгибает
ожиданье!..
И всех, кто жаждет,
терпко напоить!
И жить!
И каждой каплей
жадно жить!

И борозду нелёгкую свою
Земле оставить
искренне
и стойко.
Не затеряться в топях, —
быть!
И только
К реке прийти!
В невиданном краю,
Не доверяя пристаням
и горю,
Бежать вперёд
к неведомому морю,
Минуя
роковую
колею!..
Ах, только бы успеть познать,
стекая,
Тепло руки
и вечный взлёт резца,
Понять язык листвы
и птичьей стаи,
Отдав себя
по капле
до конца...

***

И когда спуск шуршащую ленту
растянет,
Перекличкой ползущих камней зазвенев,
Мы присядем у талой воды
на поляне,
Посчитать,
что оставили мы на стене.

На стене оставляем мы самую малость –
Жажду наших стоянок
на взлётах крутых.
На стене осаждаются
боль и усталость,
Петли наших ошибок и крючьев следы.

На стене остаются,
оборваны случаем,
судьбы;
На стене,
извиваясь,
пульсирует выбора
нить!
На стене к нам являются самые строгие судьи.
И как трудно потом будет
всё
изменить.

На стене,
разъярённой от жажды,
бесчинствует солнце,
На стене
настороженно дремлет
беда.
На стене
лишь дыхание риска
бессонно,
И в часы предрассветные
снится вода.

На стене оставляем мы
самую горькую память
О сомненьях, что нас никуда не ведут
По дорогам,
которые выбраны нами —
От порогов,
где нас ещё,
может быть,
ждут.
На стене нашей жизни клочок остаётся
В пересчёте звенящих, спрессованных дней!
На стене
соль ответов и горечь потерь
познаётся
На предательски скользких
отвесах «ключей».

*Л*ишь страницы ска*л*ы
вам расскажут про это,
Только пальцы придётся
о них раскрошить.
На стене тает снег,
продо*л*жается *л*ето...
На стене,
Старина,
начинается Жизнь!

Июль, 1980

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Солнце сияет в окнах,
раскрывших от удивления форточки,
на крышах автобусов,
столпившихся на пятачке автостанции —
наверное, они обсуждают последствия
топливного кризиса...
На стёклах и дужках очков сияет солнце.
И даже в глазах человеческих,
которые не боятся на него смотреть,
сияет солнце!
В витринах закрытых ещё магазинов...
и даже в больших омерзительных лужах
сияет оно!..
На то оно и солнце,
чтобы отразиться во всём.

ДОМОДЕДОВО — МОСКВА

Прости, я улетаю — мне пора.
Я понимаю, ближе мы не стали.
Да только вот надеяться устали,
Пытаясь уберечься от утрат.

Закладка в книге неба — самолёт
Просеивает горечи крупицы, —
Ещё одну печальную страницу
Серебряным крылом перелистнёт.

Крепчает с высотой дыханье льдов
И, в память о тепле твоём, не спится.
И знаю, мне уже не расплатиться
За безысходность душных городов.

Когда мой путь снегами прорастёт
И всходами рассвета озарится,
Отыщем пожелтевшую страницу
И перепишем всё наоборот!

А если нам совсем не повезёт
На лезвиях негаданных событий,
И нас соединяющие нити
Непоправимо время разорвёт —

Над вереницей опалённых дней,
Рассасывая горечи крупицы,
Жизнь самую печальную страницу
Тоскующим крылом перенесёт...

Прости, я улетаю — мне пора, —
Я понимаю, ближе мы не стали.
Сегодня расставанье пролистали
И разминулись встречами вчера.

***

Фокусник был в ударе.
Он извлекал из шляпы
Цветы, ленты и всякую живность.
Он проглатывал шпаги.
Разрезанные им платки срастались.
Люди исчезали по мановению руки.
Но всё это было мало похоже на чудо...
А в антракте ты сказала «люблю» ...
Вот это был фокус!

***

Я потерял счастливый билетик.
Где-то на остановке...
— Вам не попадало под метлу моё счастье? —
спрашивал я дворников.
— Счастье не валяется на остановках, —
отвечали дворники.
Я кричал птицам:
— Вы не унесли моё счастье?!
—Человеческое счастье — не тот материал,
из которого можно строить гнёзда, —
насмешливо щебетали они.
Бродячий пёс оскалился на мой вопрос:
— Ха! Человеческое счастье — это не то,
чем можно набить себе брюхо!
Я спрашивал
озабоченных людей на остановке:
— Вы не видели моего счастья?
Но они сторонились и недоумённо косились,
не отвечая...
Некогда...
Когда много позже я нашёл в кармане
свой счастливый билетик,
на нём ничего уже нельзя было разобрать...

***

Дыхание твоей нежности
протопило крохотные бреши
в мёрзлых окнах нашего
непонимания.
Может быть это Весна?!..
Почему же так неумолимо сжимается
оттаявшее кольцо?..
Кто же плеснул первую горсть
на наше морозное крыльцо,
на котором мы так скользим,
идя друг к другу?..

***

Крестики и нолики
мелком
Девочка рисует на асфальте.
Люди улыбаются, мельком
Оглядев измазанное платье.

Сколько их случится
впереди —
Ненадёжных, ласковых и строгих...
Время разлиновывает дни,
И крошатся годы по дороге...

Дай же бог тебе,
пускаясь в путь,
Всё больнее получая сдачи,
Клеточки надежд
не зачеркнуть
И окольцевать свою удачу.

Отряхнись и
искушай судьбу!..
Лягут, незамеченные нами,
Крестики — морщинами на лбу,
Нолики — кругами под глазами.

А пока
далёк ещё рубеж
Из линеек радости и боли,
Изумлённо в клеточке небес
Светит поднимающийся нолик.

***

Во времена, когда пророки лгут,
А хитрецы рассказывают сказки,
Порой на сцене появлялся шут —
Мудрец и воин в идиотской маске.

Всё становилось на свои места!
Король — дурак.
Наследники — повесы!..
И лишь порою голова шута
Катилась, покидая своё место.

И был язык отточен как клинок —
Весёлый и всегда готовый к бою.
И со всего снимать он маски мог,
А вот свою —
лишь только с головою!

О, милый шут! Дано тебе познать
Смертельный яд и лезвие кинжалов!
Но всё же ты решился маску снять —
И вместе с нею голова упала!..

Снимите равнодушие с лица!
Вы слышите чеканный голос плаца!..
Давно уж лживы речи мудреца,
А истина звучит в устах паяца!

ЗВЕЗДА

В шнурках реклам,
припав к подошвам крыш,
На зов ночных огней
Взойдёт звезда —
и вот
ты к ней спешишь,
И думаешь о ней...
Шаги домов
нанижут Млечный Путь
Надеждами антенн.
А к ней —
всего лишь руку протянуть
За лабиринтом стен!

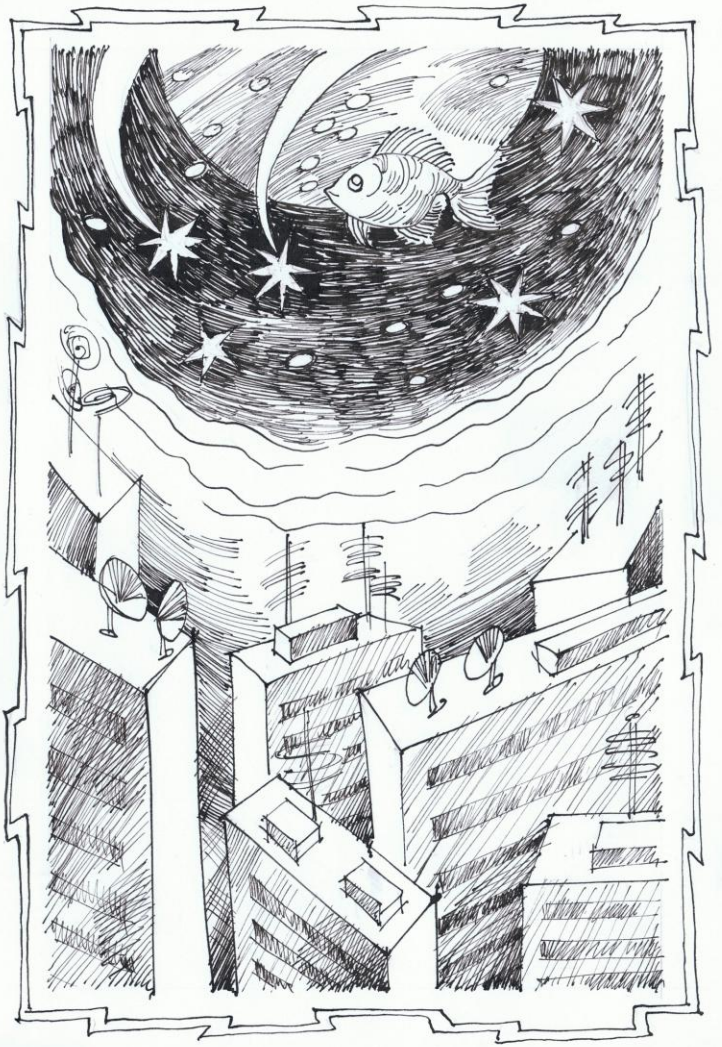
Когда светает — тихо тает
Снежинка сна в протянутой руке.
За необласканность судьбой,
Вдруг,
распрямившись,
глушишь боль
В своём же позвонке...

Когда следы подёрнулись ледком,
Удачи не догнать.
Не ждать беды и падать — так легко! —
Но как потом вставать?..

Как разорвать,
отжать тупую боль —
И вновь нащупать нить?! —
Спасая, лгать
и всё же
быть собой, —
И только дальше плыть.

Шипы разлук
и подорожник встреч,
И горечи урок
Познать к утру, —
снести и уберечь
За стеблями дорог...
И снова путь, что кем-то пройден был,
Сначала повторить.
Но вот в чём суть:
дойти не хватит сил, —
А боль нельзя забыть...

Тем временем,
обуглен и пробит
Последний твой оплот.
В смятении, предательски сулит
Изорванная плоть
Забыть про всё,
остаться навсегда —



И счастье
созидать!..
Но вот беда — опять горит звезда, —
И лишь рукой подать...

НА ПОРОГЕ

Одёрну фрак,
сомненья причешу
И уложу в пробор воспоминанья.
Как в старину говаривали,
*д*ланью
Я по вискам старательно вожу...

Я юность жду.
У нас свиданье с ней.
И, может быть, последнее свиданье...
Слегка горчит напиток расставанья
На донышке опробованных дней.

Иду туда, где слепо ищут *с*лед
По памяти *п*лутающие мысли,
Где сад *л*юбовью озарённых *л*ет
Последние свои теряет *л*истья.

Я помню в *д*етство каждый поворот.
Маршрут найду с закрытыми глазами...
Но *л*есенка,
поскрипывая,
*л*жёт, —
И никого не видно под часами!

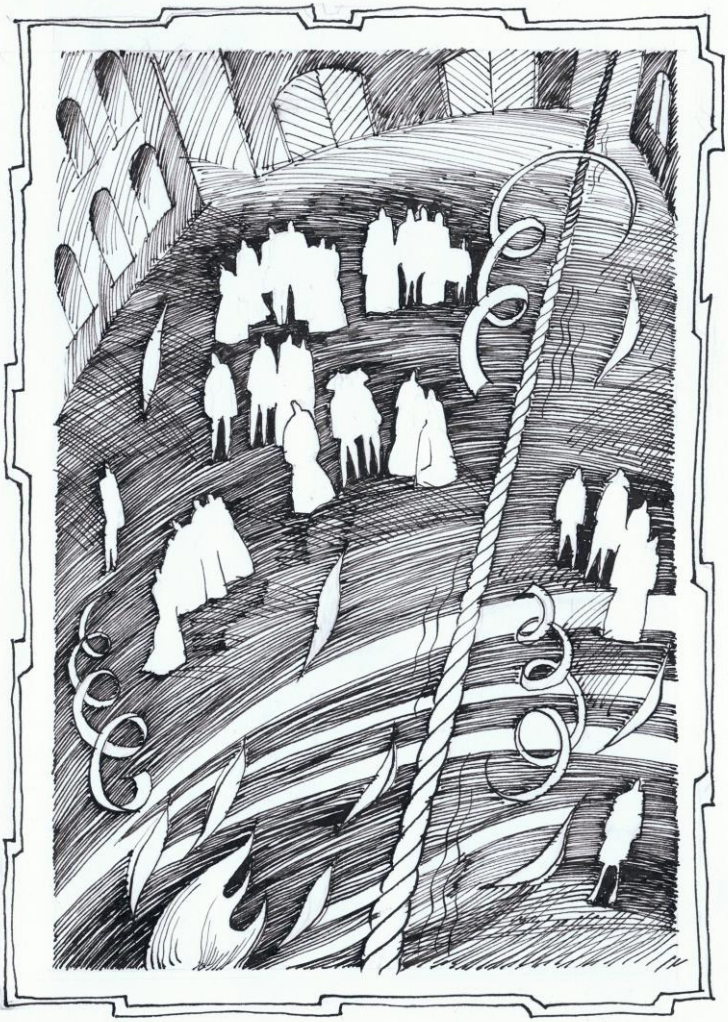
1981

АТТРАКЦИОН

...Внимание, внимание —
Венец карнавала!
Ровно в полночь!
Над крышами и шпилями!
В любую погоду!..
СМЕРТЕЛЬНЫЙ НОМЕР!!!

Из чёрного олова
Полночь отлита,
А в пальцах — свечи
Оплывающей шпага.
Клинок её гасит
Далёкие блики
Предательски лёгкого
Первого шага.

И в гаснущем свете
Былое б забылось, —
Да пламя неласково
Лижет ладони,
Да больно уж низко
Земля затаилась,
И слишком уж жалобно
Колокол звонит.



Да вот только полночь
Мне шепчет с укором:
— О боли — не помнишь,
О горе — не знаешь!
Безумец, в себе
Не отыщешь опоры:
Себя потеряешь —
И всё потеряешь!..

Да вот только ветер
Намокшею плетью
С ног валит —
и хлещет,
Огонь задувая.
И мокрыми пальцами
Тянется ветер
К тому, что беспомощно
Я прикрываю!

Да только иду я,
Упрям и беспечен,
По ниточке тонкой
От края до края.
Да вот только пламя
Той крохотной свечки
В руке угасает...
...В руке угасает...

РАЗМОЛВКА

I

Когда итог неведом — что гаданье? —
Невольное неведенье руки.
И на ромашке сбывшихся желаний
Бесследно опадают лепестки.

И входит в дом, и умывает руки
Сомнение — угрюмый пустозвон.
А следом — ложь,
предвестница разлуки, —
И вот открыт охотничий сезон.

И над любовью медленно и чинно
Вершат они кружение своё.
Разлад неуловимой паутиной
Опутывает крылышки её.

И сердце заштормит, и ощетинится,
И ульем растревоженных обид
Слова распнут терпение —
отныне
Всё сорвано с обыденных орбит!

II

Когда, неумолимостью влекомы,
Условия войны оглашены,
Из трещин пошатнувшегося дома
Всплывает одуванчик тишины.

Вот так в домах, разрушенных войною,
Сквозь щели пробивается трава...
И вот не важно, что чему виною;
И вот не важно, чья кому вина!

Несёт, несёт неведомая сила—
Слепая повелительница зла!..
Нам тишина последний шанс вручила
И разума стальные удила.

Замри! Очнись! Что впереди?!.
Отчаянье
Ведёт твою сметающую рать!
...Но не сдержать взбешённого дыханья!
И взмыленных поводьев не сдержать!

***

По горам машина катится.
Ходовая сбита начисто.
Неизвестно кто отплачется
За лихачество моё.

За спиною пыль дорожная.
«В голове слова острожные.
Осторожно — струнка ложная!» —
Мне сомнение поёт...

Как рождественскими ризами
Фонарями ночь унизана.
В свете фар асфальт зализанный
Я глазами полощу.

То ли путь укатан горечью?
То ли круг замкнулся горем?
Чью
Вновь, охваченную полночью,
Я надежду отыщу?

Ночь размолвками наполнена,
Ночь с разлуками помолвлена, —
И скитаться мне не полно ли
По полуночной земле?

Дни дорогами увязаны,
Сны тревогами наказаны,
Но пока ещё не сказано
Слов забвенья обо мне.

1981

***

Сначала у человека отняли веру в чудо,
Но он не перестал улыбаться.
Затем у человека отняли веру в удачу,
Но он не перестал надеяться.
Потом у человека отняли веру в любовь,
Но он не оглянулся.
Потом у него отняли веру в друзей,
Но он не остановился.
И смерть не смогла догнать его...

А потом у человека отняли веру в себя...

***

А боги жили в сердцах людей.
И были они безжалостнее палача
и нежнее матери,
Беззащитнее ребёнка
и беспощаднее ненависти...
И было это
нелегко.
Но люди стали умны!
И люди стали сильны...
И они убили богов...
А боги были в сердцах людей.
И пусто стало вокруг.
И пусто стало внутри,
Как пусто бывает в груди,
из которой вырвали сердце.
И поняли мудрые — не быть
людям
без богов!
И они создали идолов.
И были идолы величественны, как боги,
могущественны, как боги, —
Но это были
идолы!..
А разве может деревянное сердце
заменить
настоящее?

— Нет! —
сказали мудрые из мудрых,
и...
шагнули...
на костер!..
Но разве люди забыли,
что боги бессмертны?

***

И. Эренбургу

Цепляя полою обочины мёрзлых дорог,
Свисают снега
с покосившейся вешалки неба.
И ветер, что поизносился и сильно продрог,
Глотает комочки тепла,
словно шарики хлеба.

В такую погоду Беда не сидит у огня,
А гонит ошибок стада
по безлюдным дорогам.
И стужа вгрызается мёртвою хваткой
бульдога
В того,
кто попался навстречу, не посторонясь.

И Правда покажется
глыбой холодного льда, —
В такую погоду тулуп примеряет Эпоха!
А люди, как пуговки:
эти пришиты неплохо, —
А эти, пожалуй, не переживут холода.
И дело-то, в общем, не в том —
кто покрепче пришит:
Ведь люди — как пуговки —
не выбирают Эпохи.

Жаль, им выпадает тепла —
только жалкие крохи...
А стадо,
гонимое стужей,
навстречу спешит!

Февраль 1982

***

И когда наждаки ветров
Ещё не слизнули черты...
И когда дорога
Ещё не сжевала ноги,
Человек пришёл на развилку...
Направо пойдёшь — себя не найдёшь;
Налево пойдёшь — от себя не уйдёшь;
Прямо пойдёшь — всё потеряешь;
Назад повернёшь — к себе не вернёшься!
И пошёл человек, куда глаза глядят.
И долгой была дорога,
И глаза устали всматриваться в миражи...
И увидел он себя!
И не узнал! —
Ведь долгой была дорога, —
И бежал в страхе...
А вернувшись — снова ушёл.
И снова увидел себя,
И не узнал...
Ведь долгой была дорога!
А отчаянье гналось за ним по пятам...

***

Я серая, серая, серая, серая крыса.
Куда же идёт околдованный дудочкой род?!
О, только б не видеть,
не слышать,
забыться,
зарыться!
О, только б не думать,
не думать, куда нас ведёт!

О, как эта музыка,
как эта музыка манит, —
О, как она застит и душу мою, и глаза!
И всё же я понял!..
Но вот оказался в капкане! —
И звенья безумия странной цепи увязал.

Я уши заткнул!
Я сумел!
Я не принял обмана!
Но спереди спины,
и сзади немыслимый строй!
И путь мой со всеми.
И он словно рваная рана!
И влево и вправо не видно дороги иной.

Визжа и кусаясь, я пробовал остановиться!
Но музыка!
Боже мой!
Музыка!..
И не спеша,
Мы в море вступаем.
И мне даже не с кем проститься.
По горло вода, —
и я делаю
следующий
шаг.

Февраль 1982

В КОМНАТЕ СМЕХА

В комнате смеха так много разных зеркал!..
Я пристально всматриваюсь в них,
пытаясь отыскать
своё истинное изображение,
которое хотя бы случайно
отразило не маску внешности,
а мой внутренний мир,
запорошенный атрибутами общения..

В руках билет в мир странного стекла.
А дверью ль отсекаем мир обычный?..
Со стен — в упор — кривые зеркала
Глядят, ломая всё, что нам привычно!

Здесь тощий превратился в толстяка,
Толстяк — в атлета, ангел — в ловеласа;
Стал умница похож на дурака;
Улыбка злобной кажется гримасой.

Нелепый мир, где сети фальшь сплела! —
Неведомы границ твоих владенья.
Мы на себя глядим, как в зеркала,
И для других порой — лишь отраженья.

Здесь шутка оскорблением звенит,
И кажется издёвкою участье,

Ударом — взмах протянутой руки,
Удача — болью, ясный день — ненастьем!

Какой аккорд! Как боль и ложь сплелись!
Какой простор для подлецов и трусов
(Забудь себя, в стекле переломись —
И образ выбирай себе по вкусу)!

Им нравится, где тупость, фальшь и лесть,
Где серо всё, обыденно и блёкло;
И в бешенстве — увидев всё как есть —
Наотмашь бьют!..
Бьют некривые стёкла!

...В твоих глазах, осколках тех зеркал,
Голубоватым светом отражаюсь
Совсем не тем, — каким так и не стал, —
В зрачках дрожу и таю... таю... таю...

Вот тень печали на лицо легла, —
Не на стекло, а на душу, похоже.
Устав смотреть в кривые зеркала,
Мы в истинных узнать себя не можем.

Торопимся, спешим искать себя,
Судьбу свою пришпоривая хлёстко,
В дороге осторожно обходя
Разбитое стекло на перекрёстках...

БАЛЛАДА КОММУНАЛОК

Звон оконного стекла,
Бой посуды.
Голосов колокола,
Сора груда.

Дрязг тускнеющая нить,
Сплетен тина,
В раз умеющая бить
Плесень в спину!

Кому много до беды —
Кому мало!
Обитатели седых
Коммуналок...

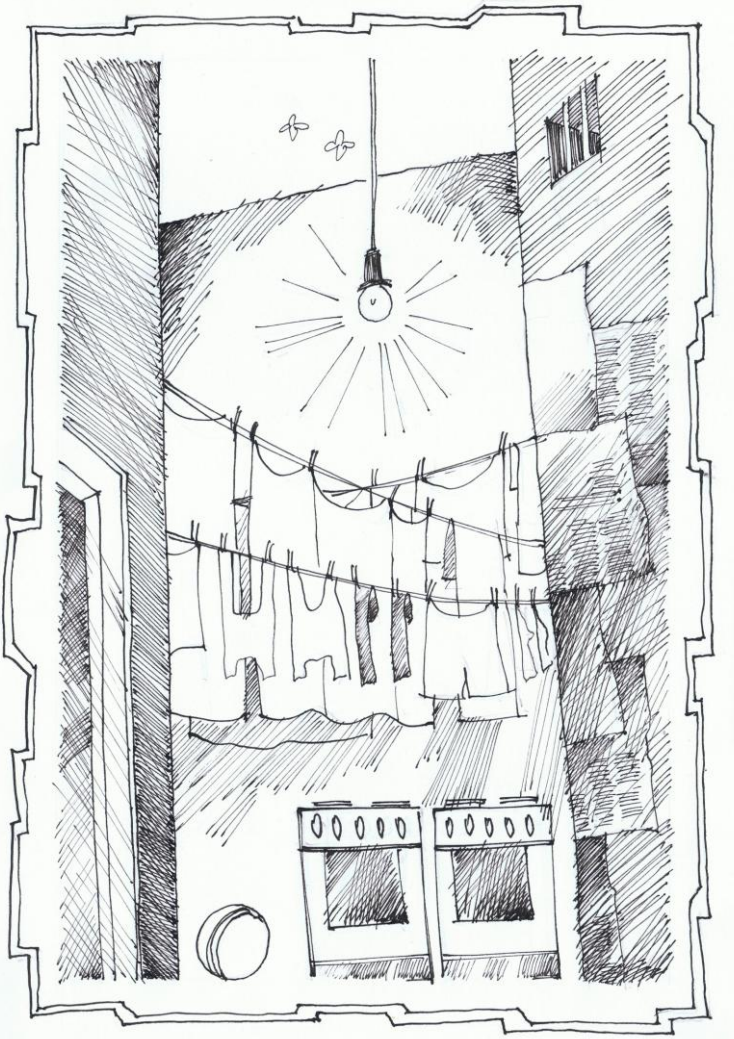
Сколько вздору намело! —
Кто осудит?
Сколько в воры вас ушло,
Сколько в люди!

В тусклом лампочек желтке
Что вы видели?
В темноте ли, в тесноте —
Не в обиде ли?

Переписан набело
Жизни свиток.
Что отжило — то ушло
По кредитам.

В скольких комнатах в ночи
Тишь — на слово!..
Одиночество кричит
Стосвечово.

1980



АВГУСТ

Как жарко лето дышит на излёте,
На рубеже той финишной черты,
Когда, смешав круги и сбившись в счёте,
Роняет пену зноя с высоты!

Наездник Август молод и азартен, —
А значит, снисхождения не жди!
Он зной едва удерживал на старте —
И вот вонзает шпорами дожди!

Блестя боками, лето косит глазом,
Потряхивая гривою ветров.
И я ещё не выиграл ни разу, —
А жизнь сулит неслыханный улов!

Здесь ставки круты.
Жизнь, прищурясь, меряет
Сомнение и призрачный расчёт.
И я уже в который раз поверил,
Что Лето мне удачу принесёт!

В который раз ошибся. Незадача,
Как видно, мне отмеряна сполна!..
Но грезится в который раз удача
В пленительном полёте скакуна.

1981

ВОЙНА

В каждой пяди,
разорванной всплеском снаряда,
В измождённом и льдистом зрачке
Ленинграда,
Расплескав свою кровь
от Москвы до Орла —
Как ты в струпьях пожарищ
на Запад ползла! —
И в оставленных вёрстах,
в засыпанном хрипе
Рвов, затопленных смертью,
и в виселиц
скрипе
Поднималась
на Запад!
На Запад!
На Запад!..
А вы знаете мяса горелого запах?!
А вы видели жатву,
где во поле ржи
Каждый скошенный колос —
взошедшая жизнь?!
А замерзших старух,
а расстрелянных рожениц,
А представить горящих детей своих можете?!

Это просто война.
Это ПРОСТО Война!
Обезумевший воздух огнём
допьяна
Поит небо — смердящий и воющий рупор!
И земля зацелована холодом
трупов
Тех,
кто эту дорогу на Запад мостил!..

И в рубцах затянувшихся братских могил
Наша память стоит в изголовье, —
И оплачена собственной кровью
Рука хирурга
над телом
больного
Человечества.

***

«О Поле, Поле,
кто тебя усеял
Костями мёртвыми»
несбывшихся надежд?
И вороны печали чёрной кружат
Над прахом неисполненных обетов
На крыльях боли...

СКАЗКА

Три поросенка, не зная забот и труда,
Дружно играли, полуденным солнцем
согреты.
Так поначалу обычно бывает всегда, —
Время в истоках всегда нас баюкает летом.

Ну, а потом, как известно, пришли холода,
Теплолюбивые звери дубленки надели.
Возраст не тот... По утрам замерзает вода...
Тысячи новых проблем поросят одолели.

Начали строить (у каждого личный проект):
Ниф — фантазёр и чудак —
из соломы фантазий;
Нуф — из поломанных веточек
тонких надежд,
Неосмотрительно им извлечённых из грязи;

Только у Нафа была голова па плечах,
Хоть он и в школе имел в лучшем случае
тройки, —
Строился он из обычнейшего кирпича,
Левым путем раздобытого где-то на стройке.

Дядям и тётям известно, что было потом, —
Лязгнула жизнь несказанно большими зубами!

Первые двое проглочены были при том.
Третий спокойно живёт, уважаемый нами.

Наши детишки порой поросятам сродни.
Сказки читая, потом не забудьте проверить:
Пусть образ волка покрепче усвоят они,
Чтобы потом понадёжней
захлопывать двери!

22 марта 1981

ОКТЯБРЬ

Тушит солнце осенний туман.
Хрипло дышит на ладан Октябрь.
Он всё ставил на карту, шутя —
И его опустела сума!

Ах, какой безрассудный игрок! –
Всё не взвесил, всего не учёл...
Как последнее золото мог
Он отчаянно бросить на стол?!

Всем, что было, что нажить успел,
Он за всех расплатился с лихвой!
Время — невозмутимый крупье —
Дни сгребает дождливой рукой...

За шальной, бесшабашный июнь,
За июль, что себя раздарил
Всем ветрам, — он был счастлив и юн,
И растратил дождями свой пыл!..

В август всё, отгуляв, прокутил.
В сентябре стал степенен и строг:
Пожалел то, что раньше спалил —
И плодами вернул всё, что мог.

А в октябрь, зачахнув сперва,
Холодами закашлял и слёг...
Неизбежно ударит январь,
Как давно предрешённый итог.

Значит то, что, сгорев, уберёг—
Просто грёзы минувшего дня.
В январе Время всё отберёт,
Незамеченным вслед семеня!

Так сдавай свои карты, крупье! —
Что нам Осень и времени суд!..
В мокрых снежных пелёнках Зиме
Вновь капели Весну принесут!

***

Когда сгорел наш уличный фонарь,
Был ясный полдень.
Одурев от пыли,
Мы все спешили,
и ничья вина,
Что утром его выключить забыли.
Была бы ночь,
а то кромешный день! —
И то, что он горел, никто не видел.
И до того момента, как сгореть
С надсадным треском,
он не подал виду...
Пришли друзья:
застенчивый Марат —
Случайно трезвый
и, конечно, грустный, —
В обнимку с ним стоявший вечера,
Порой сползая
от избытка чувства;
Весёлый дворник — дядюшка Кузьмич,
Храпящий так,
что переборки гнутся,
И хмурый тип,
чей новенький «Москвич»
Не смог с ним в переулке разминуться.

И речь звучала скорбно и светло,
И даже дворник начинал не с мата.
Потом они ходили в гастроном,
Подъемля дух поникшегоМарата.
Марат поднялся,
связность потеряв,
Заговорил замысловато очень
О том, что днём
бывает
фонарям
Так плохо, как бывает людям ночью.
Потом совсем бессвязные слова —
«Немудрено»...
«не вовремя»...
«не нужен»...
Мы отнесли его на старенький диван
В пустой квартире... И пошли на ужин.

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Букварь из истин, нажитых в веках,
Был продан деревянным
пострелёнком...
Мальвина, располневшая слегка,
Развешивает мокрые пелёнки, —
Пока что располневшая слегка.

Пожалуй, сделка выгодной была —
И мы с годами понимаем это,
Поскольку эта азбука лгала,
А жизнь дарила звонкие монеты, —
Подумать только, азбука лгала!

И всё же вам не верится сейчас,
Что где-то в годы молодости ранней
Был тоже «буратиной» Карабас —
И за добро стоял на поле брани.
Ну надо ж, «буратиной» — Карабас!

Мы счастливы, не зная ничего!..
Блаженны дети!
Ведь они не знают,
Что годы уж не первого Пьеро
Бескровно в Дуремара превращают, —
Да в общем-то не только и Пьеро...

И что отважный пудель Артемон
Сегодня был бы обречён без драки,
Поскольку всё дороже с тех времён
Нам стоит содержание собаки.
Хоть многое дешевле с тех времён...

Жми, кукольный малыш!
И в ложь не верь!
И на беду не раскрывай подлога!
Ждёт до поры захлопнутая дверь
И полная превратностей дорога...

ВРЕМЯ

Ну какой же Иуда обрек тебя мучаться?
Вечен терпкий удел бесконечной стерни.
Крёстный ход твой по миру
печально волочится,
Да на вантах судов зажигает огни.

Где же, где же поклоны тебе,
где паломники?
На коленях стоят лишь одни старики.
Как седой пилигрим, ты проходишь
непонятым,
И шаги твои скорбны, скупы и легки...

И не станет тебя, и опомнятся люди,
Увенчают сполна
и сполна вознесут,
Но от груза утрат ничего не убудет,
И минувшие дни ничего не вернут.

И бегут с корабля ошалевшие крысы!
Вечность рвёт паруса!
Значит, «время звенеть»!..
То ли тикает жизнь,
то ли кружатся мысли, —
Это времени бег распростёрт на стене!

***

Есть время подумать. Устали мы жить чудесами.
Объять необъятное —
это ж бездарнейший труд.
А дети взрослеют и смотрят чужими глазами,
И хочется верить, что всё же когда-то поймут.

Мы снова в осаде. Трубят воспалённые мысли.
И нас оцепило сомнение с разных сторон, —
И наши решенья порывами здравого смысла
Полощет наотмаш, как рваные стяги знамён.

Нас Время листает и ткёт свои пёстрые ткани, —
Не знаешь, где тщится судьба твою нить оборвать.
Строку обрывает летящее слово "желанье",
И жалко, что больше уже не успеть досказать.

Сначала дорога взимала с нас дань понемногу.
И вот уже вечность уводит друзей навсегда.
Вот так всё дороже мы платим за эту дорогу...
Но снова надежду сквозь ночь волокут поезда.

1981

АЛАУДИНЫ *

Заблудилось далёко дождливое лето.
Опадает на тропы полуденный жар.
Затаилась река у берёзовых веток –
Наших пыльных дорог голубая межа.

Наших судеб межа...
возвращенья порука
К изголовью, в снега опоясанных гор,
Где на скальных плечах
расплескалась разлука
Серебристыми каплями синих озёр...

Мы сполна её талые горсти испили,
Остудили ожоги далёких обид.
Всё, что было не так,
мы друг другу простили;
Всё, что было не так,
постарались забыть.

Словно капли воды на безводные стены —
Мне тепло просочившихся писем твоих....
За скалистой грядою и нощно, и денно
Возвращается хрупкая близость двоих.

От озёр до озёр, рассекающий руки,
Я иду по отвесам: зови — не зови.
Мне идти и идти от разлуки к разлуке...
И опять уходить от любви до любви.

Август, 1980

* Фанские горы, Алаудины.
Алаудинские озёра.

ДОН КИХОТ

Чудак, наивностью влекомый, —
Тебе удачи не найти!
Тебе острее, чем другому,
Дано понять в конце пути,

Что истина позатерялась
В тщете нелепейших потуг, —
И одиночество, и старость
Извечно замыкают круг;

Что солнце — это лишь уродец
В исхоженной стране теней,
А одиночество — колодец,
Где небо видится больней.

Ни сил, ни веры не осталось...
Но тихо шелестят листы,
Что бесконечная усталость
Безмерно выше пустоты.

***

Мокр асфальт, прихваченный к земле
Шпильками деревьев оголённых,
И стежки газонов воспалённых
В листьях —
крон обугленной золе...

Это, пепел лета расплескав,
Раздарив земле багряный шорох,
Затуманив окна — грусти ворох
Держит Осень в ливневых руках.

И в смятеньи красок ощути
Беззащитный пульс осенней грусти,
Что в кинжалах глаз и листьев хрусте
Распласталась в сумрачном пути...

***

"Живописцы, нарисуйте наши судьбы..."
Б.Ш. Окуджава

Есть вечных два художника великих.
Их творчество сплетается в одно,
Когда они раскрашивают лихо
Тончайшее эпохи полотно.

То кисть парит, пронизывая светом
Истории величественный ход,
То бурое пятно, возникнув где-то,
Зловеще завоёвывает холст...

Ах, как один шлифует все детали,
Да наших судеб сумрачный анфас,
Характеры,
боль тех, кого не ждали,
Годами дорисовывая нас!

Другой,
холодной и бесстрастной кистью
Свой взмах в необратимость окунув,
Отбывшее смахнёт —
и холст расчистит
Для первого,
скользнув по полотну.
Немыслимы, рождаются сюжеты,

Неведомы, как прожилки беды,
Неповторимы, как огни отсветов
Никем не дорисованной судьбы...

Придя, мы к свету тянемся несмело,
Не ощутив,
не поняв,
не простив,
Что первыми уходят те,
кому хотелось
С собой немного света принести.

ТАНЕЦ КУКОЛ

Мы разденем балеринку
И уложим на перинку.
Делай вид, моя хитринка,
Будто ножка не болит.
Улыбайся без обмана.
Мамой будет Несмеяна.
Только плакать ещё рано...
Доктор будет Айболит.

Притворяйся — это просто.
Будет много белых простынь,
Столик маленького роста
И железная кровать.
Увезут тебя из дома,
И лежать ты будешь долго,
И уже не скажет доктор,
Что ты будешь танцевать.

Ты тогда заплачешь: «Мама!»
Доктор, опершись на раму,
Будет щуриться упрямо
И тереть очки на свет.
Только ты не бойся, крошка!
Мы не будем трогать ножки, —
Мы играем понарошку
В то, что ножки больше нет.

МИМ

Разрублены узлы, низвергнут бог!..
Не постигая, взламываем!
Верим –
Таится за одной и той же дверью
Бесчисленное множество дорог!

Казалось бы, избрали без потерь —
И вот какие разные итоги
Нас ждут в конце
всего одной дороги.
И каждый — это вновь куда-то дверь.

Снимаешь маску —
и готов ответ,
Рождающий поток иных вопросов.
Нет, мы ещё не сбились с курса —
просто
Нас ослепляет, вспыхнув ночью, свет...

А может, маски меряют людей —
И в каждой мир,
где ночь прошита светом?..
Всё дело в том,
на что она одета
И в самом первом шаге от дверей!

АРЧА-КАНЫШ

Опалённый июль лёг в ногах на траву пылью.
Развернуло ущелье навстречу
шальные крылья.
Горько бьётся река в угловатых
скалы ладонях.
У кошей одиноких печально застыли кони.

Дрогнет чудо у ног безмятежной
зелёной рощей,
Где реки, заплутавшей в березах, стихает
росчерк,
Где, прошлёпав, бежим как мальчонки –
босы, беспечны:
Отсчитаем часы на мосточке у Чистой речки.

В зыбкой солнечной дымке плывут в синеве
Сауки.
Да изломаны судоргой мёртвой арчи руки!
Лишь орлов караул над водой
в полудённой истоме.
И в гортанном кругу
мягкий шелест крыла тонет...

***

Что такое неудача?.. Это значит,
Что стекают с неба месяцы и дни,
Что со стен, слепа,
спускается удача,
Камнепадом опрокинутая вниз.

Что такое неудача?.. Это значит,
Что надежду где-то холодом свело,
Что, от бешенства захлёбываясь,
плачет
Непогоды заплеснувшее крыло.

Что такое неудача?.. Это значит,
Что тревога к нам в палатку заползла, —
Значит, взорваны надежды и иначе
Будут встречены и взвешены дела.

Что такое неудача?.. Курс утрачен.
Кромка нашего причала подождёт —
И капризная, но верная удача
К нам, как любящая женщина, придёт.

Ты покрепче обними её за плечи! —
Нам так надо, чтоб теперь на много лет
Она верила наивно и беспечно
В то, что нам до прочих женщин дела нет.

Что такое неудача?.. Взлёт лишь начат,
А дорога поворачивает вниз...
Но судьба, опять же, —
женщина, —
и значит,
Это просто её маленький каприз!

Что такое неудача?..

***

Кстати, о птичках.
У нас вчерась с колокольни
звонарь упал —
и чирикнуть не *успел...*
(провинциальный анекдот)

Чтоб уйти босиком по распутице дня
И, сжимая в зубах стебельки расставаний,
Выпить терпкую чашу бутонов до дна —
Подарите мне алую птицу желанья!

Бастионы ночи опоясаны тьмой!
Ощетинились звёзд голубые бойницы!
Уходя в бездорожье,
остаться собой
Помоги мне, надежд серебристая птица!

Чтобы верить и жить,
положась на прицел
(Только б болью потерь не валила отдача),
Чтобы не схоронить, что ещё не успел —
Подарите мне синюю птицу удачи!

А чтоб я далеко не ушёл от земли,
Обрывая на взлёте увязшие звенья,
Безнадёжно нелётные крылья свои
Подарила мне чёрная птица сомненья.

И взлетев,
и роняя
опять в колею
Клочья крыльев,
истаявших в солнечном свете,
Другу птицу удачи свою подарю, —
А надежду волной Время вынесет детям!

Вот и все!
Где конец?!
Где начало пути?!
Только сильные крылья
беспомощно строги:
Видно, в разные стороны рвутся они...
Вот и долог мой путь,
да изломаны ноги!

***

В каких мучениях нас всех рожает Время!..
Неблагодарны дети! —
так нежны,
Они, увы, не остаются с теми,
Кем горестно когда-то рождены.

Они уходят.
Стынут колыбели.
Их будущее призрачно манит, —
В его руках призывно трубы пели,
И барабаны плакали навзрыд.

А время ждёт
доверчиво и мудро.
Дрожит на стебельках хрустальный пот...
И ничего плохого в том, что утро
Так рано роды принимать встаёт.

КАМИН

Он так захлёбывался светом,
Метался и тепло дарил!
И как разменною монетой,
По стенам бликами сорил...

Себя по искоркам растратил
Безумно,
шало
и светло.
И пел!..
И понимал, что платит
Отчаянно
за ремесло...

...А в комнате в это время
никого не было.

***

Я закрываю двери квартиры.
И вхожу в большие комнаты моего города,
где по коридорам проспектов
снуют сквозняки машин;
где работяга автобус,
поперхнувшись пассажирами,
тяжело отхаркивает их на остановках;
где большие и беззащитные
одуванчики деревьев редеют,
пронизанные дуновением времени;
где утренние мосты над холодной водой
стройны,
как прогнувшаяся у зеркала юная женщина...
Как тянется к солнцу город!
Окна жадно глотают свет, шмыгая форточками.
Миксеры городских фонтанов
взбивают из воды и солнца невесомый,
пенящийся радугой коктейль.
А суровые монументы запрокидывают головы!
Ульи школ,
прописи шпал
на линейках трамвайных путей,
бегущие к реке,
опрокинутые на долговязую набережную
парки
поют мне о людях, которых я люблю.

Они шагают по вылизанным дождями
полотнищам площадей.
Созвучия встреч
рождают неслышимые симфонии,
сплетающиеся гроздья фраз —
ненаписанные повести.
А вечером город набрасывает тёмную вуаль,
пристёгивая её пуговками фонарей.
Тюбики проходных выдавливают вязкую
человеческую массу.
Люди – это кровь города.
Она пульсирует в артериях улиц,
согревает его натруженные руки.
Они оживляют его тяжёлое каменное тело.
Кто я?..
— Маленькая капелька жизни города.
Что я несу его сердцу?..

ДОМ У ДОРОГИ

Выбор — старый хирург —
Взвесит жребий в ладонях зажатых.
Хочешь руку сберечь —
Значит, пальцы под скальпель ложи!
В доме сказки моей
Долей стены надежды расшатаны, —
Но всё тянутся,
Тянутся к небу его этажи.

Всем, что годы искал,
Изразцовая печка растоплена –
Хоть бы пальцы согреть,
Если стены не держат тепла!
Сколько лет и людей
Шло по тропочке этой проторенной,
Что теперь и меня
На развилку дорог привела!

Крохи найденных истин,
Увы, достаются нам дорого.
И уже приоткрытая дверь
Не зовёт, а страшит.
Блёстки прожитых дней
Превращаются в пыльные ворохи,
И «отрезанный ломоть»
Особою болью болит...

НОЧНОЙ СНЕГОПАД

Что знаем о смерти,
в жизнь веруя истово?
Что каждый, однажды шагнув за порог,
Уносит с собою всё то, что не высказал,
Всё, что не успел,
всё, что не уберёг.

Смотрите!
Смотрите!
Смятенно и пристально!
Оттуда, куда эти люди ушли,
Спускаются белые хрупкие истины
На тесные улочки грешной земли.

Неслышно на землю неставшее падает,
И тонет в сугробах заснеженный век.
Парят фонарей дирижёрские палочки,
И кружится, кружится, кружится снег.

Заносит его под колёса да под ноги,
Доверчивых крыльев ничуть не щадя...
Смотрите!
Смотрите,
как кружит и падает
Надежда на улицах и площадях!

А утром прочтите
открытый несбывшимся,
Ничьими следами не тронутый лист...
Смотрите!
Рассветными бликами вытканный
Полощется парус,
мятежен и чист.

***

Как радостно приходит солнце, —
выкатывается звенящее светом тело
на голубеющую плешь небосвода...
И руки лучей обнимают всю землю...

Как горестно уходит солнце,
захлебнувшись в зыбких облаках,
цепляясь ослабевшими лучами
за ускользающую кромку горизонта...

Но бесстрастное небо долго хранит
отблески могучего сердца...
Как непросто светить людям...

Об авторе

Михаил Перлов родился в Ленинграде 12 октября 1952 года, когда его отец, коренной ленинградец – Семён Абрамович Фирштэйн – был студентом Ленинградского университета, а мать – Софья Борисовна – была студенткой медицинского института.

По окончании учёбы родители, когда сыну исполняется один год, переезжают по распределению в г. Днепропетровск на постоянное местожительство.

Школьные годы, помимо учёбы, проходили в занятиях спортом (лёгкая атлетика, плавание, катание на коньках, турпоходы) и чтении – с самого раннего детства родители привили сыну любовь к книгам. Михаил пишет свои первые стихи – по большей части поздравления учителям и друзьям, – это у него получалось легко и быстро, красиво и с юмором.

В 1969 году Михаил поступает на геологоразведочный факультет Днепропетровского горного института, с выбором специальности геофизика. Он начинает посещать секцию скалолазания и альпинизма при этом институте, возглавляемую талантливым организатором и педагогом, тренером Муравейником В. И., где выполняет норму кандидата в мастера спорта по скалолазанию.

Уже через год Михаил в совершенстве осваивает игру на гитаре и сочиняет свои первые песни и пародии.

По-настоящему он увлекается творчеством после окончания института и отслужив в танковых войсках в г. Чугуеве,

когда по возвращению в Днепропетровск начинает посещать Клуб самодеятельной песни (КСП).

Он сочинял стихи и песни в походах, во время выездов на тренировки и соревнования по скалолазанию в Крым, во время встреч с друзьями, которым он тут же их пел своим высоким приятным тенором. Он любил песни Визбора, Окуджавы, Ланцберга, Высоцкого, и его бобинный магнитофон «Нота» никогда не отдыхал. Он любил мастерить своими руками подарки для друзей и дарить их в дни рождения, – особенно дорожили его алюминиевыми значками, ювелирно выпиленными миниатюрным надфильком (композиция «Роза Ветров» с карабином). Он не мог делать одно дело – он их делал сразу несколько одновременно: проявлял фотографии, жарил картошку, мастерил комнатный «скальный» тренажёр, подключая к своим занятиям присутствующих. Он обладал острым умом, и в то же время дерзким мальчишеским характером и тонким искромётным юмором.

«Альпинистское лето» 1982 года стало последним, – Михаил Перлов не вернулся с горы, роковой Ушбы, отправившись спасать друга, Виталия Чеканова, попавшего под снежную лавину. Вместе с другом Михаил Перлов остался навеки в горах Кавказа.

Ему было 29 лет.

(По воспоминаниям родных и друзей)

Михаил Перлов

ИСПОВЕДЬ КЛЮЧА

стихи

Составление – Аркадий Мадатов
Корректура – Алла Левитан, Инна Шварцман
Вёрстка, рисунки – Елена Романенко